

Николай Погребняк

г. Новокузнецк

После Пасхи

«Христос воскрес!» – «Воистину воскрес!» – от шёпота взаимных приветствий в церкви стоял гул, как от пчелиного роя. Уже давно началось Пасхальное богослужение, и приветствия батюшки громко и официально возносились под купол церкви: «Христос воскрес из мёртвых!», а люди всё шли и шли. Одни шли на праздник, чтобы причаститься к духовной радости, которая неведомым образом заполнила всё вокруг, другие – просто чтобы похристосоваться да дать пожертвование. В сей великий день даже самые скептически настроенные прагматики слушали утреню с особенной, непривычной для себя радостью, с дружелюбием и милосердным отношением к ближнему своему.

Вот и закончилось богослужение, и уже не шёпотом, а громко прихожане приветствуют друг друга в церкви: «Христос воскрес!» – «Воистину воскрес!», и при этом многие из них спешат к выходу. Закончилось Пасхальное богослужение, теперь до следующего года...

«Христос воскрес!...» – смотрел я на праздник – величайший праздник Церкви, – смотрел на украшенный храм, сверкающий начищенной медью и огнями свечей, и тём-

плая грусть наполнила душу. Вспомнилось детство, как в Советское время мы праздновали Пасху у себя в деревне.

Накануне во всех домах в больших русских печах выпекали куличи (по незнанию мы называли их пасхами). Незатейливо украшенные розочкой и венчиком из теста, обмазанные сахарной глазурью – какими сказочными и невероятно вкусными казались они нам, детям. В чугунках варили яйца в луковой шелухе: чтобы они были красными; готовили незатейливые блюда, такие, чтобы можно было есть в праздничный день холодными.

И вот Пасха! Церкви в нашей деревне не было, да и верующих, в общем-то, не было: об Иисусе Христе никто толком ничего не знал, да и знать не стремился, но все восклицали: «Христос воскрес!» – «Воистину воскрес!» – и обнимались, и целовались, и застолье в каждом доме, и за каждым столом, провозгласив тост «Ну, за праздник!», чокались стопками с самогонкой. Мы же, ребяташки, с восторгом «чокались» подаренными крашеными яйцами и радовались конфетам, точно ещё раз встречали Новый год.

А на следующий день кому на работу, кому в школу, и о Пасхе помнили уже только мы, дети, да и то потому, что ещё остались недоеденные куличи да крашеные яйца. Вот вам и «Христос воскрес!» – «Воистину воскрес!»

Не от того, что в церкви было мало радости и благоговения, исполнилось моё сердце грустью и всплыла в памяти картина из далёкого детства. Причина была гораздо глубже: я вдруг осознал, что и сам говорю и от других слышу слова, которые воспринимаются лишь как приветствие: раз в этот день положено приветствовать так, вот мы и восклицаем: «Христос воскрес!» Грустно стало от того, что ни в себе, ни в ком другом не увидел я в тот день Христа воскресшего.

Уже не помню, где прочитал эту историю о Серафиме Саровском: он жил в келии в лесу (в малой пустыни), и в один из дней послушник, помимо обычной скудной пищи, принёс ему ещё немного варёных бобов.

– Почему такая добавка? – спросил Серафим.

– Сегодня великий праздник: Пасха Господня! – радостно воскликнул послушник.

– У меня каждый день Пасха, – тихо, как бы говоря самому себе, ответил старец.

Тогда эта история смутила меня: неужели Святой Серафим не собирался праздновать Пасху? Наверное, поэтому я и запомнил её. И вот сейчас, во время грустных размышлений Господь даровал мне милость постигнуть духовную суть сказанного святым старцем. Действительно, мы, христиане, часто с охотой, даже с радостью говорим о воскресении Иисуса Христа, но что чувствуют, что познают при этом те, кто слушает нас? Только то, что Иисус Христос, живший два тысячелетия назад, воскрес из мёртвых, и... всё.

«Ладно, не буду спорить, возможно, так и было», – думает человек и соглашается с провозглашающими: «Христос воскрес!». Соглашается, как с историческим фактом, как он согласен с тем, что когда-то жил, например, Александр Македонский или Наполеон: «Был, жил, мне-то что?»

А вот когда Серафим Саровский говорил – благословлял на прощание человека словами «Христос воскрес!», то они входили в самое сердце услышавшего их, и он уже не мог оставаться таким, как был до встречи со старцем. Он мог выбрать зло и отвергнуть истину Божию, но он уже не оставался таким, как был до этого.

У старца Серафима было два любимых приветствия: «Радость моя!» – встречал он приходящих к нему, и «Христос воскрес!» – провожал их после беседы, после молитвы, после помощи благодатью Духа Святого. В тех приветствиях не было громких восклицаний, но слышавшие их верили не просто в искренность, а в истинность слов старца. Верили, потому что в самом Серафиме видели воскресшего Христа.

Со своей радостью от откровения Божьего и с грустными мыслями, что никогда не смогу стать таким, как Серафим Саровский, я пошёл к отцу Павлу, предварительно договорившись о встрече.

Уединились у него в кабинете. Его кабинет совсем не похож на солидные кабинеты с дорогой мебелью. Всё свободное от рабочего стола, стульев и стеллажа с книгами место было завалено рюкзаками, палатками и прочим туристическим инвентарём.

Выслушав мою Пасхальную исповедь, отец Павел встал, включил чайник, вытащил из ящика стола карамельки – всё, что осталось от праздничного изобилия, и начал рассказывать... о поездке в областной центр, о том, как губернатор вручал награды тем, кто работает с подростками.

– ...И тут до меня доходит слово Божие: «А ведь ты уже получил свою награду», – представляешь, Николай, что я почувствовал в тот миг?! – всплеснув руками, воскликнул батюшка.

Пока мы чаёвничали, время от времени в дверь просовывались любопытные детские мордашки: «О чём это говорят взрослые?» – ребята с нетерпением ждали счастливого дня, когда они пойдут в поход. Долгой сибирской зимой они готовились к нему, учились устанавливать палатку, разжигать костёр, варить на костре кашу – много всяких премудростей нужно освоить не только умом, но и руками, чтобы тайга перестала быть чужой и враждебной, а стала доброй и заботливой. Но самое главное – они учились товариществу, учились взаимопомощи и верности, учились вере. Да-да, учились азам веры: ибо не почувствовав доверия, не проявив жертвенности при преодолении трудностей похода, никогда не постигнешь и не оценишь любви и жертвенности Иисуса Христа. Согласитесь, уважаемые читатели, ведь в походе почти сразу высвечивается сердце человека, сразу видно, кто есть кто.

Отец Павел ходит в походы с приметливыми, чуткими ко всякой фальши ребятами-подростками, и по вечерам, под отблески и мирное потрескивание костра, рассказывает им об Иисусе Христе и Апостолах или о Ветхозаветных пророках и царях, рассказывает об Отцах Церкви или о святых и мучениках за веру, живших в нашем краю (он и маршруты подбирает так,

чтобы дети больше узнали об истории края, о святых местах)...

– Незаметно подступает ночь, догорает костёр, все отходят ко сну, а в сердцах, в мыслях, в переживаниях юных туристов остаются рассказанные – именно к месту рассказанные, как притчи, те истории. Я уверен: на всю жизнь запомнят дети те по-сибирски прохладные летние вечера, проведённые с друзьями-товарищами у костра. Запомнят и те истории: пусть забудутся детали рассказов, но душевное ощущение, духовная атмосфера рассказов навсегда останется в их сердцах, – я полностью погрузился в по-детски восторженный рассказ отца Павла об их походах.

– ...А ведь я уже получил награду свою, – после некоторого молчания продолжил свои размышления батюшка. Его слова извлекли меня из походных грёз, вернули к теме разговора.

– Думаете, дело в награде? – спросил я, настраиваясь на дискуссию. – Но в таком случае наградой можно считать и пирожок, подаренный человеком, хорошо к вам относящимся и благодарным за когда-то оказанную помощь.

– Нет, конечно, дело не в грамотах, дело не в медалях и не в пирожках. Я тоже помню слова Иисуса Христа: «Слушайте Меня все и разумеите: ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит из него, то оскверняет человека. Если кто имеет уши слышать, да слышит!» (Мар. 7:14-16). Помню и понимаю, что эти слова Господа относятся не только к пище. Но если дело не во внешнем, значит, дело во внутреннем – в моём восприятии той награды: иначе не возникло бы в сердце моём печали. Дело во внутреннем, в том, что исходит из самого сердца: начав разговор с земной награды, которая могла вызвать не более чем кратковременную радость, я поделился с тобой своим счастьем. Счастьем, которое пережил в походах, счастьем, которое пережил во время общения с детьми.

А ведь действительно, подумал я, его рассказ увлёк меня, погрузил в атмосферу

его переживаний, потому что слова исходили из самой глубины его сердца. Батюшка говорил со мной о тех, кого очень любил и о том, что очень любил. И Серафим Саровский делился с людьми не просто радостной вестью, а своим счастьем от познания воскресшего Иисуса Христа, и благословение «Христос воскрес!» исходило уже не просто из уст, а из самого его сердца, поэтому слова и достигали до сердец слышащих.

Значит, и мне не нужно специально думать о том, насколько духовными будут слова «Христос воскрес!», не нужно специально думать о том, как явить в себе Иисуса Христа воскресшего, а нужно просто искренне любить тех людей, которых приветствую словами о Христе – любимыми словами о Христе, а не только «Христос воскрес!». Нужно просто любить то дело, которое делаю для ближних своих, и тогда люди сами увидят, что во мне пребывает жизнь Иисуса Христа.

Счастливым, с миром на сердце, я шёл домой и думал о том, как хорошо вот так запросто побеседовать с батюшкой. Не будь таких бесед, не будь простого человеческого общения, разве смог бы я отойти от религиозно-официального восприятия Церкви? Никогда. Она так и осталась бы в моём понимании организацией, исполняющей религиозные и просветительские требы.

И уважение, обрётённое в непринуждённом искреннем общении, когда не только слышишь слова, а ещё и видишь, как живёт служитель, такое уважение не поколеблют ни сказки писателей, ни статьи в жёлтой прессе – ничто не поколеблет, ибо я знаю настоящего, не сказочного батюшку.

Христос воскрес!

страницы автора

ausvoi.ru/users/pogrebnyak
lit.lib.ru/p/pogrebnyak_n_i/
proza.ru/avtor/pogrebnyakn
soyuz-pisatelei.ru/index/8-9769